

КЕССОНКА

Анастасия Прудова

18+

Анастасия Прудова Кессонка

<https://litres.ru/74324942>

SelfPub; 2026

Аннотация

Накануне выхода романа «Мама криминала» приглашаю читателей пройти по ранним следам моего пера.

Здесь — девушка, растворяющаяся в воде, чтобы стать свободной. Здесь — та, что нашла свою же записку и не узнала собственный почерк. Здесь — наблюдательница, которая учится не бояться любви, подсчитывая чужие истории о том, как заканчивается вальс.

Это проза о давлении и высвобождении, о невидимости и о том, что остаётся, когда человек перестаёт тонуть.

Анастасия Прудова

Содержание

Мёртвый писатель	4
Слава богу	10
Дуры	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анастасия Прудова

Кессонка

Мёртвый писатель

— Рада видеть тебя. Давай руку. Пойдём, покажу, где я пряталась.

Здесь всё ещё пахнет мокрой тряпкой с хлоркой, сосиской в тесте и выпечкой с сырно-колбасной кляксой посередине — это они называли пиццей.

— Нам на третий этаж. Дрожащая лампа на весь коридор даёт больше ужаса, чем света. Осторожно, плитка скользкая. Идём медленно, не падаем. Я знаю путь наизусть. Тогда он сжимал горло — лестницы сжимали горло.

Справа актовый зал. С ним — первый ком в горле, тогда я думала, что умираю. В тот день нас фотографировали. У меня фото с собой, смотри — вот она я, в светлом свитере и джинсовом сарафане. Волосы собраны в хвост, резинка ещё та, дурацкая, всё время соскальзывала. Смотрю на себя и вижу, как сижу в себе словно чужая. Ком в горле разросся, когда я показала фото тёте. Она тыкнула пальцем в нескольких девочек и назвала их красивыми. Меня среди них не было. Про меня сказала, что меня некрасиво нарядили и как следует не причесали. Поэтому я стою во втором ряду. Так и

повелось — я считала, что вторые и последние ряды для таких, как я.

Ладно, идём. Лучше держись за перила, они чистые, не бойся.

Недавно мы переехали к маминой тётё, пока я не окончу второй класс. Воздух в её квартире густой, осевший. Такой не вдыхается — он въедается: нафталин, старая шерсть трельяжа и та затхлая прель, что бывает только в плотно закрытых шкафах, где вещи лежат годами. На подоконнике, в ряду пустых банок из-под сметаны, эта тяжесть чувствовалась особенно остро — пластик казался липким, а пыль на донышках слежалась в серый войлок. Папа говорит, она хранит в нём свой пупковый пух, чтобы на зиму связать мне носки. Мама уверяет, что её тётя будет сажать в эти банки рассаду.

Мне не нравится жить у неё. Спасает только «Лиса» — там крутят мультики днём и ночью, но мне нельзя смотреть ночью, а иногда и днём выгоняют гулять. Я не люблю гулять с другими детьми, а моя единственная подруга живёт далеко.

Вот наш кабинет. Мою классную зовут Алла Викторовна. Она добрая, рисует нам звёздочки вместо оценок: за аккуратность — плюсик, за старание — плюсик. А тем, кто выходит к доске, она гарантированно ставит плюсик.

Я к доске не выхожу. Когда она смотрит в журнал, у меня колит в левом боку, прямо за ребром. Стыдно опозориться — я редко понимаю так, как надо понять.

Страх дремлет между рёбер. Обычно он причиняет мне

боль, даже если вокруг ничего не происходит.

Однажды она поставила нам настоящие оценки за рисунки по ОБЖ — охрана природы. Правда, моя пятёрка была незаслуженной: мама нарисовала всё, я только раскрасила.

Вот за этой партой я сидела. Видишь, как символично — тоже вторая. Здесь болел желудок, потом селезёнка, потом добавились ком в горле и гайморит. Смотрю сейчас на этот класс — и чувства те же. Я всегда чувствовала себя не на месте. Какой-то лишней. Совсем недавно смотрела в это окно, и во мне прозвучало: «Ты здесь лишняя».

Был случай. Учительница вышла из кабинета, а девочка с той парты подошла и стукнула меня по голове — несильно. Я заплакала, как всегда плакала. И рассказала учителю, когда она спросила, почему я плачу на этот раз. Я не ябеда. Просто не поняла, за что она со мной так. Учительница сделала ей замечание, и та на перемене пыталась подлизаться — хвалила мою закладку с чудиком, который любил есть кошек. Не помню, как его звали.

Но она столкнулась с игнором. Это моя суперсила — исключать человека из жизни, если ему удалось меня обидеть. А в детстве это может сделать каждый. Мои родители, когда ругаются, неделями не разговаривают и общаются через меня. Всякий раз я боюсь, что у них это навсегда.

Вечером мне сказали, что у меня будет брат. Точнее, я подслушала. Эта новость пробудила мой страх. Теперь я часто хожу к медсестре. Не знаю, как им сказать, что боюсь,

что меня будут меньше любить. Мои чувства всегда называют ерундой, а я не могу от них избавиться.

Меня посадили на больничный, и я целую неделю смотрела мультики, пока родители работали. К врачу меня не водили — давали таблетки. Когда я вернулась в школу, первым делом купила в столовой мой любимый лимонад «Зелёное яблоко» и пришла в класс.

Бутылка была закрытая, я из неё не пила. Мальчик с той парты, что в среднем ряду, попросил попить. Его сосед крикнул: «Не пей после неё, у неё зараза». Я сказала, что ещё не пила, что бутылка закрытая. А тот, кто просил, заткнул его и сказал: «Жаль, что заразы нет. Может, сдохну хоть». И улыбнулся мне. Странно слышать такое от восьмилетнего мальчишки. Вспоминаю его глаза — в них как будто бы была прожитая жизнь, которой он был сыт по горло. Ладно, пойдём отсюда. Заглянем в кабинет танцев, он в конце коридора.

Отлично — не заперт. Проходи. Помню нашего учителя: он был похож на ведущего передачи про животных. Старшеклассники уверяли, что его показывают по телеку, когда он не учит нас танцевать.

Уроки танцев у нас весёлые. У меня есть постоянный партнёр Валера — всегда подходил ко мне и говорил: «Давай с тобой», и мы шли танцевать. Не знаю, почему он приглашает меня. Наверное, боится приглашать красивых девочек и подходит ко мне.

Пойдём на третий. Смотри внимательно, там при входе на

этаж линолеум порван, можно споткнуться. Вот, нам в последний кабинет. Здесь у нас музыка, а для старшеклассников кабинет русского и литературы.

Проходи. Включай фонарик. Смотри наверх — вот они. Видишь, сколько их тут? Помню, как впервые зашла и увидела их хмурые лица.

Писатели. Почему они смотрят в никуда? До сих пор смотрю на них — и горло сжимается. После того как я впервые увидела их, я пришла домой и сказала маме:

— Я не хочу быть писателем никогда.

— Почему? Ты же любишь писать.

— Они все мертвы.

Сейчас я стою с тобой перед их портретами и почему-то не боюсь. Что же это получается: я становлюсь той, кого боялась, чтобы жить, а не умереть?

Всякий раз, когда я пишу, — я оживаю. И вместе со мной — те дети, которые боялись выходить к доске, и те, кому не ставили звёздочки, и те, кто стоял во втором ряду на общей фотографии.

Мы идём дальше и пройдем дальше всех. Коридор всё ещё тянется. Но мы не будем спешить.

Запомни, пожалуйста, как пахнет этот коридор — пирожками из столовой, мокрой тряпкой с хлоркой и сигаретным дымом из туалета, где на переменах затягивались старшеклассники. И как я здесь дышала. Тогда это был наш воздух — настоящий на дыме и обидных словах.

Пройдёмся по этим коридорам, сырым и мрачным, в последний раз. Нам не обязательно ходить по ним всю жизнь, и не нужно их вычёркивать. Давай просто найдём им место.

Они — часть нашей жизни. Это они сделали тебя, меня и наше сегодня.

И главное помни: из любых мрачных коридоров есть выход. И из воспоминаний есть выход — он в другом конце коридора. Чтобы в него выйти, надо смело пройти мимо всех его обитателей. Только так ты лишишь их власти над собой.

А теперь ступай. И не торопись — а то выйдешь раньше, чем будешь готова.

Слава богу

Памяти Игоря

На кухне пахло газом и чужими кастрюлями. Кристина стояла у раковины одна, домывала тарелку, когда за спиной скрипнула дверь. Она обернулась. Игорь. Пятидесятилетний, вежливый, ещё трезвый.

— Кристина, — он остановился у стола, перебирал ключи. — Я сегодня сорвусь. Дня три меня не будет. Не в том смысле, что уеду. Просто... не ищи меня эти дни, не обижайся, если что скажу. Пьяные мозги — они не мои.

Она усмехнулась, не оборачиваясь.

— Буду иметь в виду.

— Это не со зла. Я тебя когда-нибудь оскорблял?

— Нет.

Он прижал ладонь к груди и выдохнул, как перед чем-то важным.

— Слава богу.

Вышел. Вернулся. Кристина домывала чашку, когда он подошёл сзади — слишком близко. Она выпрямилась, сделала шаг в сторону, повернулась. Между ними осталось полметра, и от этого стало ясно, что он подошёл не за тем, за чем приходил.

— Какие у тебя глаза, — сказал он. — Светлая ты. Душа радуется. У меня, знаешь, сын есть. Хочу, чтобы он подарил

мне внучку. С такими же глазами. У него девушка, живут вместе — а детей нет.

Он сел на подоконник. Замолчал, но взгляд дочитывал то, чего он не сказал.

— Вы, молодёжь, всё о карьере. А о семье — ни слова. Сын у меня с высшим, и девушка его — а детей нет. Чего ждут?

— Какие их годы, — сказала Кристина. — Только жить начали.

— А мы не ждали. Любили — и рожали. Не боялись ничего.

Он смотрел не на неё, а чуть сквозь, и от этого хотелось отступить, хотя она и так стояла дальше, чем нужно.

Кристина закрыла кран. Стекло звякнуло о поднос.

— А нас кто готовил? — он усмехнулся, но без злости. — Никто. Мы просто не боялись.

Она взяла поднос. Он смотрел в окно.

Попрощались. Разошлись.

Через три часа Кристина вышла в коридор. Игорь стоял у стены, покачиваясь, с пустой бутылкой в руке. Глаза её не видели. Или видели, но не узнавали.

Дедушки, внуки, карьеры — ничего этого больше не было. Был только запах перегара и тишина.

Дуры

Дождливый ноябрьским вечером свет горел почти в каждом окне пятиэтажки. В одной из квартир сидели две женщины. Младшей — двадцать три, и она ещё не привыкла называть себя женщиной. Старшей — под сорок, и она уже привыкла. Чай остывал. Разговор начался с простуды, хандры, зарплаты — и вскоре иссяк.

Заговорили о любви. Младшая — о нём: о друзьях, подругах, родителях, о том, как воспитать мужчину и не перегнуть. Старшая слушала, улыбалась, подтрунивала. А потом заговорила. Прямо.

— Всё познаётся в сравнении. Сколько бы ни брюзжали про старые времена, где у бабы не было ни слова, ни прав, — дурочкой она не была. Крутила мужиками так, что он сам выкладывал всё, что нужно.

Пауза. Младшая молчала.

— Хотя дурочки были всегда. Как сейчас. Мы все поначалу дуры: учимся готовить, убирать, быть умными и глупыми сразу, жертвовать, терпеть, прощать, рожать, воспитывать, слушать обиды и делать вид, что не изменились. А когда это окончательно выматывает — расправляем крылья. И выходим в мир заново.

Она отпила чай. Холодный.

— Только вот что я заметила, — старшая поставила чашку

и посмотрела в окно. — Это никогда не кончается. В тридцать думаешь: «Какая же я была дура в двадцать». В сорок смотришь на себя в тридцать — и снова: «Ну и дура». В пятьдесят — то же самое. Каждая из нас живёт так, будто следующая станет умнее. А она не становится умнее. Она становится другой.

Младшая усмехнулась.

— То есть мы все дуры, просто в разное время?

— Именно. В двадцать — потому что веришь, что любовь всё вылечит. В тридцать — потому что думаешь, что уже всё знаешь про мужчин. В сорок — потому что начинаешь искать виноватых. В пятьдесят — потому что вдруг решаешь жить для себя. Но жить для себя никто из нас не учился. Мы учились быть удобными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.